

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 1. С. 159–189
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 7, no. 1 (2023): 159–89

Научная статья

УДК: 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-1-4>

Правовой статус однодворцев: проблемы и противоречия

Ксения Константиновна Билеуш

Российский государственный
педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия,
kseniya.yakusheva1983@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3368-7430>

Kseniya K. Bileush

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia,
kseniya.yakusheva1983@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3368-7430>

Аннотация. В результате Петровских реформ в Российской империи появились категории населения, представители которых не входили в то или иное сословие. Для их определения в законодательных актах и делопроизводственных документах были введены в оборот такие термины, как «однодворец», «разночинец». Данная статья посвящена определению правового положения однодворцев как специфической категории населения Российской империи. В ней рассматриваются основные проблемы и противоречия, связанные с путями приобретения статуса однодворцев, эволюцией его правового обеспечения, выявлением состава однодворцев, определением их прав и обязанностей. Посредством фактического материала автором подтверждается основное противоречие статуса однодворцев, связанное с его двойственностью. С одной стороны, они приравнивались к крестьянам в том, что были обязаны платить подушную подать в равном размере с принадлежавшими им крестьянами, нести ландмилицкую (пограничную) службу и вести общинный образ жизни, а с другой – обладали правами дворянского состояния, а именно – правом владения крестьянами и землей. Другим противоречием было то, что права благородного сословия для однодворцев были ограничены: купля-продажа (а также иное распоряжение) крестьян и земли была им запрещена. Автор приходит к выводу, что противоречивость правового статуса однодворцев явилась следствием неоднородности этой категории населения, связанной с существованием множества путей к ее пополнению, а также сложности для власти в определении функций данного сословия, менявшихся с течением времени. Проблемы были связаны с отмиранием необходимости содержания ландмилицких полков (традиционной основной гражданской обязанностью однодворцев): в новых условиях власти требовалось четко определить статус данной категории населения, однако ни понизить его до крестьянского, ни повысить до

© Билеуш К.К., 2023

© Bileush K., 2023

дворянского она не могла, опасаясь критики и недовольства как дворян, так и самих однодворцев. Однодворцам была предоставлена возможность пополнить купеческое сословие, лишаясь при этом земли, а после 1762 г. – и дворянского сословия, увеличивая прослойку мелкопоместного дворянства. Таким образом, однодворцы были промежуточной податной категорией российского общества, находившейся между дворянством и государственным крестьянством, в более точном положении которой к началу XIX в. власть не определилась.

Ключевые слова: однодворцы, дворянство, государственные крестьяне, крестьянство, социальная история, Российская империя, податные сословия, законодательный акт, правовой статус, землевладельцы

Для цитирования: Билеуш К.К. Правовой статус однодворцев: проблемы и противоречия // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 1. С. 159–189. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-1-4>

Legal Status of the Odnodvortsy: Problems and Contradictions

Abstract. As a result of Peter the Great's reforms, some categories of the population whose representatives were not included into any social estate appeared in the Russian Empire. To denote them in legislative acts and office documents, the terms *odnodvoret*s (plural *odnodvortsy*) and *raznochinets*s (plural *raznochintsy*) were introduced. This article is devoted to the determination of the legal status of the *odnodvortsy* as a specific category of population of the Russian Empire. It examines the main problems and contradictions related to the ways of acquiring the status of *odnodvoret*s, the evolution of its legal definition, the composition of the *odnodvortsy*, and the determination of their rights and obligations. By means of factual material, the author confirms the main contradiction of the *odnodvortsy* status, associated with its duality. On the one hand, *odnodvortsy* were equated with peasants as they were obliged to pay a poll tax in the same amount as the peasants who belonged to them did, to do landmilitia (frontier) service, and to lead a communal life. On the other hand, they had the rights of the noble estate, namely, the right to own peasants and land. Another contradiction was that the rights of the noble estate were limited for the *odnodvortsy*: the purchase and sale (as well as other disposal) of peasants and land were prohibited to them. The author comes to the conclusion that the inconsistency of the legal status of the *odnodvortsy* was a consequence of the heterogeneity of this category of the population, associated with the existence of many ways to replenish it and the difficulty for the authorities in determining the functions of this social estate, which changed over time. The problems were connected with the dying out need to maintain landmilitia regiments (the traditional main civic duty of the *odnodvortsy*): in the new conditions, the authorities needed to clearly determine the status of this category of population, but they could neither lower it to peasants nor raise it to the nobility, fearing criticism and discontent of both the noblemen and the *odnodvortsy* themselves. *Odnodvortsy* were given an opportunity to join the merchant estate, losing land in doing so, and after 1762 they were given an opportunity to join the nobility, thus increasing the stratum of gentry. Thus, the *odnodvortsy* were an intermediate taxable category of Russian society whose place in social structure was between the nobility and the state peasants. By the beginning of the 19th century, the authorities had not determined the status of the *Odnodvortsy* more precisely.

Keywords: *odnodvoret*s, nobility, state peasants, peasantry, social history, Russian Empire, taxable estates, legislative act, legal status, landowners

For citation: Bileush, K.K. “Legal Status of the Odnodvortsy: Problems and Contradictions.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 1 (2023): 159–89. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-1-4>

Введение

В Российской империи в результате Петровских реформ появились категории населения, представители которых не входили в то или иное сословие. Для их определения в законодательных актах и делопроизводственных документах были введены в оборот такие термины, как «однодворец», «разночинец». Данная статья посвящена освещению правового статуса однодворцев – особой категории населения Российской империи.

Научных работ, посвященных однодворцам, не так много. Хотя сам вопрос выявления особенностей их положения волновал и правительство, и общество давно. Ответ на вопрос, кем считать однодворцев, законодатели начали искать уже в середине XVIII в. Научный интерес к нему возник в середине XIX в.: первым об однодворцах заговорил Я.М. Соловьев в статье, опубликованной в «Отечественных записках»¹. В ней историк поднял вопросы о том, почему однодворцы проживали не во всех губерниях, по какой причине предки современных ему однодворцев были поселены слободами и прикреплены к одной местности, при этом являясь владельцами земли². Ответ он находил в специфике военной службы в XV–XVI вв. О причинах распространения однодворцев в Воронежской губернии писал М.А. Германов³. Рассматривая особенности положения российских крестьян, вскользь касались этой категории населения Н.А. Благовещенский⁴ и В.И. Семевский⁵. В советское время внимание к однодворцам было связано с интересом к крестьянскому вопросу, к борьбе крестьян с помещиками и властями⁶. Историки середины – второй половины XX в. сосредоточились на проблемах источниковедения,

---

¹ Соловьев Я.М. Об однодворцах // Отечественные записки. 1850. Т. 69, № 3. С. 81.

² Соловьев Я.М. Об однодворцах. С. 82.

³ Германов М.А. Постепенное распространение однодворческого населения в Воронежской губернии // Записки императорского русского географического общества. Книжка XII. Издана под редакцией П.Н. Небольсина. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1857. С. 185–325.

⁴ Благовещенский Н.А. Четвертное право. Москва: Типо-литография Товарищества Н.Н. Кушнерев и К°, 1899.

⁵ Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II: в 2 т. Санкт-Петербург: Типография Ф.С. Сущинского, 1901. Т. 2.

⁶ См., например: Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. Москва: Издательство Московского университета, 1965; Недосекин В.И. Обострение борьбы за землю между помещиками и однодворцами Воронежской губернии в середине XVIII в. // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1955. Т. 19. С. 133–154.

связанных с поиском, анализом и публикацией документов по «крестьянам-однодворцам». В этом направлении работали Ф.И. Лаппо⁷ и Н.К. Ткачева⁸. Современные историки также не оставляют без внимания вопрос определения правового и социально-экономического положения однодворцев. Например, М.К. Чуркин обращается к изучению «этнокультурной идентичности и миграционного потенциала» однодворцев⁹. В своих статьях исследователь неоднократно подчеркивает сохранение у однодворцев «исторической памяти о принадлежности к военно-служилому классу, к дворянству», ссылаясь на труды Д.К. Зеленина, В.И. Семевского и Н.А. Благовещенского¹⁰. Рассматривая однодворцев через призму понятия «субэтнос», историк приходит к выводу, что «период XVIII – начала XX столетий оказался для российских однодворцев временем значительных социокультурных трансформаций»; стремясь сохранить свою «этнокультурную идентичность», они пытались двигаться в сторону формирования «субэтнуса», однако «в силу политических, хозяйственно-экономических и конфессиональных факторов» сближались с государственными крестьянами¹¹.

Внимание к социальной истории России во второй половине XX в. уделялось и западными историками. Так, Дж. Блум (J. Blum) исследовал взаимоотношения привилегированных (правящих) сословий и крестьян в период с IX по XIX в.¹² В своем труде, приуроченном к столетнему юбилею отмены крепостного права в России, Блум рассматривает развитие крестьянства в разные периоды российской истории, его правовой статус.

---

⁷ *Лаппо Ф.И.* Наказы однодворцев как исторический источник // Исторические записки: в 132 т. / под редакцией Б.Д. Грекова. Москва: Академия наук СССР, 1950. Т. 35. С. 232–264; *Лаппо Ф.И.* Ревизские сказки как источник по истории русского крестьянства // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960 г.: материалы симпозиума (Киев, 23–29 сентября 1960 г.) / под редакцией В.К. Яцунского. Киев: Издательство Академии наук УССР, 1962. С. 236–247.

⁸ *Ткачева Н.К.* Однодворцы XVIII века в отечественной историографии // История и историки. 1975: историографический ежегодник / под редакцией М.В. Нечкиной. Москва: Наука, 1978. С. 281–299; *Ткачева Н.К.* К истории крестьян-однодворцев в XVIII веке // Советские архивы. 1971. № 1. С. 84–87.

⁹ *Чуркин М.К.* Однодворцы центральных и западных губерний России: факторы этнокультурной идентичности и миграционный потенциал (XIX – начало XX вв.) // Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (12). С. 34–38; *Чуркин М.К.* Российские однодворцы в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX в.: социально-экономический статус, сословная идентичность, миграционная мобильность // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 171–175.

¹⁰ *Чуркин М.К.* Однодворцы центральных и западных губерний России. С. 35.

¹¹ *Чуркин М.К.* Однодворцы центральных и западных губерний России. С. 37.

¹² *Blum J.* Lord and Peasant in Russia: From the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961.

Однодворцев он определяет как мелких помещиков, обладающих статусом государственных крестьян¹³. Дж. Хоскинг (G.A. Hosking) в своем труде также уделяет внимание однодворцам, представляя их как особую категорию крестьян-солдат, преимущественно староверов, переселенных в XVI–XVII вв. в район Волги. Исследователь утверждает, что однодворцы, будучи теоретически свободными людьми, «страдали» от экономической конкуренции со стороны дворян и боялись потерять свою независимость, став податным сословием, как государственные крестьяне¹⁴. Особый интерес вызывает статья Т. Эспера (T. Esper), основанная на анализе законов Российской империи, в которой автор соотносит статусы однодворцев и дворян. Исследователь приходит к выводу, что однодворцы были не просто особым видом государственных крестьян, а являлись специфической категорией населения, выполнявшей полезную общественную функцию, связанную с предоставлением «убежища» многим дворянам, которые в период вплоть до 1762 г. не могли или не хотели выполнять свои служебные обязанности. После же принятия манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» многие однодворцы пытались вернуть свой дворянский статус¹⁵. Опираясь на выводы Т. Эспера, Дж. Хартли (J.M. Hartley) выделяет однодворцев как одиночных поселян и говорит о том, что Екатерина II, стремясь выстроить четкую сословную структуру, столкнулась с тем, что в России существовали категории населения, которые не вписывались в эту схему. Исследователь подтверждает тезис о промежуточном положении однодворцев между крестьянами и дворянами¹⁶.

Основная часть

В российском обществе после реформ Петра I сформировались группы людей с неясно очерченным социальным статусом. Существовавшие ранее служилые сословия, не принадлежавшие к дворянам, выделились в отдельную группу. По мнению Я. Соловьева,

из документов однодворцев видно, что они происходят от прежних служилых людей разных чинов, именно: детей боярских, казаков, стрельцов, рейтаров, драгунов, солдат, копейщиков, пушкарей, затинщиков,

---

¹³ Blum J. Lord and Peasant in Russia: From the Ninth to the Nineteenth Century. P. 360.

¹⁴ Hosking G.A. Russia: People and Empire. 1552–1917. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. P. 108.

¹⁵ Esper T. The Odnodvortsy and the Russian Nobility // The Slavonic and East European Review. 1967. Vol. 45, № 104. P. 124–134.

¹⁶ Hartley J.M. A Social History of the Russian Empire, 1650–1825. London; New York: Addison Wesley Longman, 1999. P. 21, 30.

воротников, засечных сторожей – сверх того встречаются чины: кузнецов, плотников, каменщиков и некоторые другие¹⁷.

Историк отмечает, что все они в XV–XVI вв. принадлежали к низшим военным чинам временного войска, а в XVII в. – к разным частям постоянного войска¹⁸.

Я.М. Соловьев считал, что самоназвания «однодворец» до Петра I не существовало, однако в обиход оно вошло раньше, чем был принят официальный термин¹⁹, подразумевавший под однодворцами «одних только детей боярских»²⁰. Впервые данный термин встречается в именном указе от 12 марта 1714 г. «О поселении в городах Белгородского и Сивского разрядов беглых крестьян и однодворцев, находящихся в Малороссийских городах и об отсылке беглых драгун, солдат и рекрут в полки»²¹. В нем сказано, что беглых монастырских крестьян и однодворцев при поимке следовало селить на опустевших землях, где ранее жили «рейтары и солдаты и городской службы однодворцы». Однодворцы упоминаются в тексте указа дважды, один раз – в качестве служилых людей, а в другой – монастырских. Таким образом, уже в нем впервые появляется проблема неопределенности их статуса. В законе от 22 января 1719 г. «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок, и о взысканиях за утайку душ» они представлены как податное население наравне с татарами и ясачными крестьянами²². В 1723 г. однодворцы объединены в одном статусе с драгунами, солдатами, стрельцами, казаками, затинщиками, воротниками, рассыльщиками. В последующих постановлениях – наряду с «рейтарами, копейщиками, пушкарями, затинщиками и прочих тому подобных прежних служб служилых людей»²³.

В петровское время случалось, что у однодворцев не было ни домов, ни земель и «кормились» они только работой. Генерал-фискал А.А. Мякинин в 1723 г. отмечал, что таких однодворцев некоторые помещики «в крепостях к себе крепили и другим продавали»²⁴. В дальнейшем подобная практика была запрещена: однодворцы освобождались из зависимости, а на обустройство им

¹⁷ Соловьев Я.М. Об однодворцах. С. 81.

¹⁸ Соловьев Я.М. Об однодворцах. С. 82.

¹⁹ Соловьев Я.М. Об однодворцах. С. 89.

²⁰ Соловьев Я.М. Об однодворцах. С. 90.

²¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (1649–1825): в 50 т. (далее – ПСЗ-I). Санкт-Петербург: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 5. 1713–1719 гг., № 2783.

²² Там же. Т. 5, № 3287.

²³ Там же. Т. 11, № 8836.

²⁴ Там же. Т. 7, № 4218.

выдавалось 50 рублей из казны того помещика, который пытался их закрепить²⁵.

Категорию однодворцев пополняли выходцы из разных слоев. По материалам первой переписи социальный состав однодворцев определить трудно. Беглые крестьяне всех категорий прятались в однодворческих селениях, во время ревизии в сказки записывали себя однодворцами. Сенатским указом от 2 июня 1724 г. «О взимании штрафов с попов и церковных причетников <...>; о высылке беглых крестьян из однодворческих сел и о непринимании на Царицынской линии Великороссиян и никаких других людей для селитьбы» предписывалось исключать таких крестьян из разряда однодворцев и возвращать их прежним хозяевам²⁶. В 1740 г. ответственность за укрытие беглых крестьян в однодворческих селениях была ужесточена, штраф за подобное действие, совершаемое одним двором, накладывался на всю общину²⁷.

В 1744 г. законодательство коснулось вопроса о дворянах, записанных в однодворцы. По итогам второй ревизии было предложено тех, кто сможет доказать свое дворянское происхождение, исключить из однодворческого оклада²⁸. В именном указе от 16 августа 1798 г. «Об оставлении однодворцев, имеющих поместья, навсегда в сем звании» впервые была названа причина, по которой дворяне, будучи представителями привилегированного сословия, записывались в однодворцы. Она крылась в обязательной военной и государственной службе дворянства. Для некоторых представителей сословия уплата подушной подати однодворцев была привлекательнее обязательной службы²⁹. В царствование Елизаветы Петровны однодворцам разрешалось вернуться в дворянство при условии предоставления доказательств принадлежности их предков к высшему сословию, однако при Павле I такой переход был запрещен. В начале царствования Александра I губернские дворянские депутатские собрания, которым было передано ведение дворянских родословных книг, рассматривали огромное количество дел, связанных с доказательством принадлежности к дворянскому сословию³⁰. К середине правления Александра I требования к подтверждению дворянского происхождения стали жестче, а в декабре 1816 г. были созданы правила

²⁵ ПСЗ-I. Т. 7, № 4563.

²⁶ Там же. Т. 7, № 4519.

²⁷ Там же. Т. 11, № 8227.

²⁸ Там же. Т. 12, № 9000.

²⁹ Там же. Т. 25, № 18628.

³⁰ Билеуш К.К. К вопросу о получении дворянского состояния в начале царствования Александра I (1801–1803 гг.) // Герценовские чтения 2016. Актуальные проблемы русской истории: сборник научных трудов / под редакцией С.В. Смаль. Санкт-Петербург: ЭлекСиС, 2017. С. 179–185.

восстановления однодворцев в дворянском достоинстве³¹. Согласно новым требованиям, однодворцы могли подавать прошения и предоставлять доказательства о дворянском происхождении лишь в тех случаях, если они были

подверстаны в однодворцы или во время их малолетства, или неправильностью первой переписи, или же по другим каким-либо обстоятельствам безвинно³².

Если же они потеряли дворянское достоинство «какими-либо винами или отбывательством от службы», то прошения рассматривать не следовало³³. Помимо предоставления доказательств на дворянство, однодворцам необходимо было еще и отличиться на военной службе, куда их допускали лишь при предоставлении в дворянское депутатское собрание этих доказательств. Начиная служить в унтер-офицерских чинах, за 6 лет беспорочной службы они получали обер-офицерский чин, который давал право считаться дворянином, и могли распоряжаться своим именем на дворянских правах. Стоит отметить, что на время службы с таких однодворцев снимались все повинности³⁴.

Один из вариантов пополнения однодворческого состояния был связан с нарушениями закона, запрещавшего куплю-продажу однодворческих земель³⁵. В 1766 г. в инструкции по межеванию был поднят вопрос о судьбе земель, проданных после 1727 г. Владельцам этих земель необходимо было заплатить пятикопеечный сбор за десятину на содержание ландмилицких полков. При отказе от уплаты пошрины они должны были в течение полугода «селения свои с таких земель свести». Если и последнее предписание не выполнялось, то крестьяне приписывались к однодворцам, а незаконным их владельцам приходилось от них отказываться³⁶. Эти же инструкции показывают, что статус однодворцев был мобильным. Если в селении находились однодворческие и казенные крестьяне, то при меньшинстве дворов казенных крестьян они переводились в статус однодворцев, при обратной ситуации – однодворцы переходили в статус казенных крестьян. Эта практика говорит о близости правового положения первых и вторых, тем более, что подушный оклад для обеих категорий был одинаковым³⁷.

³¹ ПСЗ-I. Т. 33, № 26579.

³² Там же.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Т. 7, № 5138.

³⁶ Там же. Т. 17, № 12659.

³⁷ Там же.

В Наказе Уложенной комиссии³⁸ Екатерина II выделила однодворцев в отдельную категорию населения. С екатерининского царствования начинается упорядочение положения однодворцев, а также трансформация самого понятия. В Указе Военной Коллегии от августа 1782 г. «О принятии в военную службу недорослей из дворян по точной силе Полковничьей Инструкции и других предписаний, и о недопущении в оную однодворцев и прочих разночинцев без надлежащих справок» однодворцы были приравнены к «прочим разночинцам»³⁹. С 1766 г. из однодворцев можно было записаться в купечество. При этом бывшие однодворцы лишались земли, так как должны были «довольствоваться не от пашни, а от торгов и промыслов, и жительство иметь в городах»⁴⁰. В результате в структурированном обществе выделилась широкая промежуточная прослойка.

Пестрота социального состава однодворцев привела к тому, что и само однодворческое состояние являлось неоднородным: с одной стороны, встречались однодворцы, которые записались в этот статус из дворян, а соответственно, в их собственности были земли и крестьяне, а с другой стороны, были однодворцы, которые наделялись землей из состава казенных земель для содержания ландмилицких (пограничных) полков. Я.М. Соловьев отмечал, что

украинская пограничная стража в самом начале преобразования оказалась за чертою того сословия, которому присвоено было право поземельной собственности и другие преимущества, дарованные лицам родословных фамилий⁴¹.

Это прослеживается в законодательстве на протяжении всего XVIII в., но наиболее четко было определено в Указе от 15 апреля 1810 г. «О правилах для производства и решения дел об однодворческих землях», в котором однодворческие земли разделены два вида: 1) «жалованные по грамотам лично, или купленные» (т.е. находящиеся в собственности); 2) «принадлежащие по дачам или по отводу от казны целым селениям»⁴². Я.М. Соловьев отмечал, что после уравнивания в 1714 г. вотчинных и поместных земель об однодворческих землях никаких «особых постановлений» не было, и однодворцы, «пользуясь правом распоряжения вотчинными и поместными землями, начали продавать свои земли жителям всех городов и лицам всех сословий»⁴³. Законодательно

³⁸ ПСЗ-И. Т. 17, № 12801.

³⁹ Там же. Т. 21, № 15500.

⁴⁰ Там же. Т. 12, № 12659.

⁴¹ Соловьев Я.М. Об однодворцах. С. 91.

⁴² ПСЗ-И. Т. 31, № 24192.

⁴³ Соловьев Я.М. Об однодворцах. С. 96.

статус однодворческих земель был впервые определен в 1727 г., когда были запрещены купля-продажа и заклад однодворческих земель⁴⁴. В следующий раз вопрос о наследовании однодворческих земель власти затронули в 1730 г. Если по указу о едином наследии 1714 г. дворянское имение переходило к одному из сыновей по выбору отца, а остальные сыновья отправлялись на службу, то однодворцы были положены в подушный оклад и обязывались содержать ландмилицию. Законодатель озаботился тем, что при отсутствии земли однодворцы не смогут выполнять свои обязанности, и было принято решение о необходимости делить наследство по жеребьевке, с условием, что одному из сыновей наследство не достанется, и он пополнит ряды ландмилиции. При отсутствии детей подобным образом наследство делилось между ближайшими родственниками. При этом в очередной раз было запрещено покупать, продавать или закладывать земли однодворцев⁴⁵. Запрет был подтвержден в 1737 г.⁴⁶ и 1739 г.⁴⁷ К этому вопросу законодатели вернулись в 1766 г., когда были приняты новые правила для межевания. «Инструкция Землемерам, к генеральному всей Империи земель размежеванию» от 13 февраля 1766 г. предписывала межевать однодворческие земли как владельческие дачи, не исключая и земли однодворцев, дослужившихся до обер-офицерских чинов⁴⁸. Впрочем, всего через 3 месяца правила межевания однодворческих земель были изменены с целью пресечения самовольного заселения однодворцами пустующих государственных земель. При обнаружении таких поселений владелец наделялся землей в размере не менее 60 десятин земли на двор, но полагалось их «отмежевать в общую округу, а не порознь»⁴⁹.

Однодворцы наделялись казенными землями, и их участки могли быть в одной деревне как с казенными, дворцовыми, так и с помещичьими крестьянами. Это, естественно, затрудняло межевание. Было принято решение выделить однодворцев в отдельные деревни. При соседстве с казенными крестьянами вопрос решался переходом из одного статуса в другой в зависимости от большинства того или иного состояния, о чем уже говорилось выше, а с помещичьими было сложнее. Если в селении земель было мало, или однодворцы составляли меньше половины дворов, а остальные населялись помещичьими крестьянами, то перед губернатором вставала задача перенести дворы однодворцев и решить вопрос о судьбе прежних земель. Если же в деревне было 2/3 и более однодворческих земель, то либо крепостные

---

⁴⁴ ПСЗ-І. Т. 7, № 5138.

⁴⁵ Там же. Т. 8, № 5579.

⁴⁶ Там же. Т. 10, № 7409.

⁴⁷ Там же. Т. 10, № 7864.

⁴⁸ Там же. Т. 12, № 12570.

⁴⁹ Там же. № 12659.

крестьяне подлежали переселению, либо устанавливалась межа, строго разграничивающая владения однодворческой общины и помещика⁵⁰.

Ясности в вопросе о статусе однодворческих земель в начале XIX в. не было. В 1810 г. в уже упомянутых «правилах для решения дел об однодворческих землях»⁵¹ законодатель четко выделил два вида однодворческих земель и расписал правила для каждого случая. Так, при возникновении споров по землям, находившимся в личной (вотчинной) собственности, с ними следовало поступать так же, как и с помещичьими имениями. С теми землями однодворцев, которые были пожалованы за службу и для службы, полагалось поступать по примеру других казенных земель. В обоих случаях при прекращении рода земля переходила в казну для распределения ее между остальными однодворцами. При этом в очередной раз был подтвержден запрет на куплю-продажу любых однодворческих земель⁵². По сути, эти правила стали обобщающим постановлением по вопросам земельной собственности однодворцев.

Однодворцы были прикреплены к той земле, на которой жили. Свободой передвижения они не пользовались. Это, с одной стороны, объяснялось основной обязанностью однодворцев по содержанию ландмилицких полков на пограничных территориях Российской империи, а с другой стороны, обеспечивало возможность контроля в виде круговой поруки. За тех, кто своевольно покидал деревню, платить подушную подать и отправлять рекрутскую повинность приходилось оставшимся⁵³. Причина, по которой однодворцы своевольно покидали свои имения, также связана с их основной обязанностью. В «Инструкции – посланным для учинения вновь ревизии» от 16 декабря 1743 г. (напечатана 6 января 1744 г.) говорилось о том, что в Воронежской и Белгородской губерниях из ландмилиции «находятся в бегах» 10 425 человек. Беглых однодворцев необходимо было «по нахождении» отводить в губернские и уездные канцелярии и до 1 мая 1744 г. отправить на Украинскую линию «на своих подводах и со своим коштом»⁵⁴. Сенатским Указом от 6 февраля 1746 г. «О размещении безземельных однодворцев, годных в службу, в полки, престарелых и дряхлых в богадельни, и о приписке прочих способных еще работать, к семейным однодворцам» при предстоящей переписи этих однодворцев полагалось прикреплять к новым местам⁵⁵. В 1757 г. в очередной раз было предписано возвращать беглых однодворцев «на

⁵⁰ ПСЗ-И. Т. 12, № 12659.

⁵¹ Там же. Т. 31, № 24192.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Т. 7, № 4563; Т. 11, № 8227.

⁵⁴ Там же. Т. 11, № 8836 (п. 17).

⁵⁵ Там же. Т. 12, № 9257.

прежние жилища» за свой счет, а также штрафовать мужчин на 10 руб., а женщин – на 5 руб. После поимки беглые однодворцы по-прежнему должны были отправляться на Украинскую линию. Если однодворцы бежали к помещикам, которые после издания указа их не выдавали, то штраф накладывался на помещика, а сами однодворцы «при своих собратях наказывались плетьюми»⁵⁶. При Петре III была изменена практика набора рекрутов в ландмилицию: вместо выборов вводился принцип очередности, когда создавалась очередь дворов, в соответствии с которой набирались рекруты. Те, кому нужно было идти по очереди в рекруты, знали об этом заранее, а потому не желавшие служить однодворцы имели возможность бежать перед набором. Для пресечения подобного использовалась круговая порука: за теми, кто должен был идти в ландмилицию, следили сами общинники, чтобы не попасть в рекруты вместо них⁵⁷. В 1785 г. был запрещен и переход однодворцев из одной губернии в другую из опасения, что «они, быв по одному месту из оклада исключены, а к другому не причислены, останутся и без платежа подати». В постановлении содержалось напоминание о том, что и ранее однодворцам (за исключением жителей некоторых губерний) такой переход никогда не разрешался⁵⁸.

Как уже отмечалось, часть однодворцев была выходцами из дворян и имела в собственности крепостных крестьян. Статус однодворческих крестьян постоянно уточнялся, равно как и права однодворцев в отношении своих крестьян. В 1744 г. в ходе обсуждения результатов очередной ревизии сенаторы отметили, что многие однодворцы Белгородской губернии из дворян «имеют за собой людей и крестьян душ по три, по четыре и до двадцати, и больше, и меньше»⁵⁹. Впервые вопрос о статусе этих крестьян был поднят в 1758 г., когда Сенатским Указом от 26 марта «О ведении однодворческих половников в сборах и во всем, кроме татевных, разбойных и убийственных дел, определенным к однодворческим управителям» власти приняли решение наложить на них подушный оклад, равный окладу их владельцев. Именоваться же их следовало «однодворческими половниками»⁶⁰. В 1766 г. однодворцам было разрешено продавать своих людей и крестьян, но только без земли, таким же однодворцам и при условии, что новый владелец будет платить за крестьянина подушную подать⁶¹. Однако, через 20 лет, в 1786 г., с этой практикой было покончено. Право продажи крепостных и дворовых

⁵⁶ ПСЗ-I. Т. 14, № 10701.

⁵⁷ Там же. Т. 15, № 11412.

⁵⁸ Там же. Т. 22, № 16280.

⁵⁹ Там же. Т. 12, № 9000.

⁶⁰ Там же. Т. 15, № 10813.

⁶¹ Там же. Т. 17, № 12659.

закреплялось только за дворянским сословием⁶². В 1787 г. вопрос об однодворческих крестьянах снова возник вследствие получения некоторыми однодворцами обер-офицерских чинов, дававших дворянские преимущества. Крепостные крестьяне платили подушную подать меньшего размера, чем казенные крестьяне и приравненные к ним в окладе однодворцы. Сенат постановил, что однодворческие крестьяне, невзирая на статус их владельца, должны оставаться в однодворческом подушном окладе⁶³. Эта ситуация изменилась в 1819 г., когда было решено, что однодворческие крестьяне останутся в прежнем окладе в том случае, если их владельцы дослужились до штаб- и обер-офицерских чинов до 1816 г., когда были приняты новые правила доказательства дворянства для однодворцев. Если же однодворец выслуживал дворянство после 1816 г., его крестьяне становились крепостными⁶⁴. Резонансным в вопросе прав однодворцев по отношению к своим крестьянам стало дело однодворца Игната Судакова, который в 1794 г. отпустил на волю своих крестьян. Сами однодворцы, однодворческие крестьяне и казенные крестьяне были поверстаны в одинаковый подушный оклад, а потому отпущенных крестьян И. Судакова Курская казенная палата перевела в статус однодворцев. После этого власти задумались над вопросом: а имеют ли право однодворцы отпускать своих крестьян? Сенат постановил, что это право принадлежит только дворянам, поэтому ни сам Судаков не был вправе распоряжаться «крещеной собственностью», ни Курская казенная палата – причислять их к однодворцам (этот статус являлся более привилегированным по отношению к крестьянству). Было решено вернуть крестьян И. Судакову⁶⁵. Эта ситуация изменилась только в 1809 г., когда однодворцам разрешили отпускать своих крестьян на волю⁶⁶, видимо, вслед за указом о вольных хлебопашцах.

Основной обязанностью однодворцев было содержание ландмилицких полков и служба в этих полках. Именно этим подразделениям посвящалась бóльшая часть указов в отношении однодворцев. В 1722 г. Петр I, рассудив, что однодворцы, кроме подушной подати, более ничего не платят, решил «того ради вместо того крестьянского платежа учинить с них однодворцев ландмилиции, сколько придет против платежа дворцовых крестьян, что они платят во Дворец»⁶⁷. Помимо выплаты ландмилицкого сбора, однодворцы, как уже отмечалось, должны были и сами служить в этих полках. Набор шел по

⁶² ПСЗ-I. Т. 22, № 16393.

⁶³ Там же. Т. 22, № 16536; Т. 25, № 18842.

⁶⁴ Там же. Т. 36, № 27855; Т. 38, № 29414.

⁶⁵ Там же. Т. 23, № 17175.

⁶⁶ Там же. Т. 30, № 23656.

⁶⁷ Там же. Т. 6, № 3994.

специальным рекрутским наборам, проводившимся раз в 5 лет. В 1749 г. всех однодворцев, с которых ранее не взимался подушный оклад, полагалось «положить в семи и четырехгривенный оклад, против прочих однодворцев, и в рекрутские наряды их счислять с прочими»⁶⁸. В царствование Елизаветы Петровны развивалась Украинская линия, заселенная однодворцами. Сюда должны были отправлять беглых из ландмилиции однодворцев, безземельных и «шатающихся однодворцев», которые, не имея даже дома, «переходя с двора на двор питаются одною работою»⁶⁹. Однако не все безземельные однодворцы годились для пограничной службы, могли работать и себя обеспечивать. Среди них имелись «весьма увечные и престарелые и одинокие». Такие однодворцы исключались из подушного оклада и определялись в богадельни. Годных к службе одиноких однодворцев приписывали к семейным, «при которых бы они в размножении пашни способствовать могли», а также определяли в полки⁷⁰. В 1752 г. было принято решение о создании школ для обучения однодворческих и ландмилицких детей. Такие школы предполагалось учредить в 6 из 9 полков: Тамбовском, Слободском, Ефремовском, Орловском, Белевском и Козловском. В остальных полках однодворцев либо не было вообще, либо было незначительное число. В эти школы принимали однодворцев-сирот мужского пола с 7 лет, где они обучались до 15 лет. В 15 лет юношей принимали в полки «в ротные писари и другие чины, кто куда смотря по науке, способен будет»⁷¹, и приписывали как одиноких и безземельных к семейным однодворцам. При желании обучать своих детей в других школах однодворцы должны были за это платить. Само обучение было бесплатным, но все обеспечение (мундир, книги, инструменты и т.п.) ложилось на плечи родителей. Службу таких грамотных молодых людей однодворцы не считали привлекательной, несмотря на то, что длилась она не более 15 лет. Поворотным стал Сенатский Указ от 17 ноября 1756 г. «О неопределении однодворцев, кроме Ландмилиции, в другие полки и в статскую службу». Если до этого момента однодворцев можно было записывать в рекруты в различные полки, а также в статскую и гарнизонную службу, то в 1756 г. с этой практикой было покончено, и ни в какие иные полки, кроме ландмилицких, однодворцев записывать не разрешалось⁷². Этот же указ объяснял и причину, по которой зажиточные и семейные однодворцы старались избегать службы в ландмилиции и вступали «в другие полки, и в статскую службу при коллегиях и прочих судебных местах, также при губернских, провинциальных и воеводских канцеляриях, а

⁶⁸ ПСЗ-I. Т. 13, № 9672.

⁶⁹ Там же. Т. 12, № 9257.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. Т. 13, № 9972.

⁷² Там же. Т. 14, № 10659.

будучи большею частью в тех же городах у дел, своей братьи однодворцам, за то, что они их в Ландмилицы выбирали, чинят великие нападки и обиды»⁷³. Так, однодворцы выбирали из своей среды тех, кому идти в рекруты по ландмилиции. Такое положение дел продолжалось до 1762 г., когда были изданы новые правила пополнения ландмилиции. Они предписывали составить списки и с каждого двора брать рекрутов по очереди. Увеличивался возраст годных к службе до 40 лет. В 1764 г. эти правила были дополнены предписанием о том, что ландмилицкие полки должны пополняться только из однодворцев и за их счет⁷⁴. Любопытно, что в Наказе Уложенной комиссии «пахотные солдаты и разных служб служилые люди и прочие ландмилицию содержащие» отделены от однодворцев и располагаются ниже по статусу⁷⁵. Можно предположить, что таким образом Екатерина подчеркнула разницу между однодворцами-землевладельцами и однодворцами-землепользователями. В 1782 г. еще раз был подтвержден запрет принимать на военную службу однодворцев, которые «показывали себя дворянами»⁷⁶. Несмотря на это, со второй половины XVIII в. начинают появляться однодворцы, вопреки всему дослужившиеся до штаб- и обер-офицерских чинов, по сути, до дворянского сословия.

Заключение

Таким образом, можно говорить о том, что основным противоречием в правовом статусе однодворцев была двойственность их положения. Владение землей и крестьянами приближало их статус к дворянскому, однако распоряжаться недвижимостью и крещеной собственностью они не могли, то есть указанная привилегия была ограничена. В то же время выплата подушной подати, несение рекрутской повинности, прикрепление к земле свидетельствуют о сходстве их положения с крестьянами. Другим противоречием было то, что внутри самого сословия однодворцев также наблюдалась дифференциация: они подразделялись на тех, кто записался в однодворцы из дворян, и представителей «прежних служб». У первых земля находилась в наследственном владении (и они были помещиками не из дворян), а вторые были наделены землей для содержания ландмилицких полков. Различия в статусе между этими двумя группами отразились и на способе межевания земель: первым она межевалась «особо», а вторым – совместно с прочими однодворцами. Такие однодворцы прикреплялись к своей земле, не имели права без специального разрешения менять место жительства.

⁷³ ПСЗ-I. Т. 14, № 10659.

⁷⁴ Там же. Т. 16, № 12185.

⁷⁵ Там же. Т. 17, № 12801.

⁷⁶ Там же. Т. 22, № 15500.

Купля-продажа однодворческих земель была запрещена, но эта земля могла передаваться по наследству. Последнее обстоятельство привело к тому, что появились «помещики» (т.е. владельцы земли и крестьян) не из дворян. Выходцы из однодворческого состояния могли пополнять купеческое сословие, при этом лишаясь земли, а после 1762 г. – и дворянское сословие, увеличивая прослойку мелкопоместного дворянства. Основная проблема, с которой столкнулась власть к концу XVIII в., заключалась в возникновении лакун в законах, которые отражались на жизни общества того времени. Однодворцы пытались проникнуть на государственную службу, а после принятия Жалованной грамоты дворянству в 1785 г. – и на службу по выбору дворянства. Некоторые представители однодворцев сливались по своему образу жизни с мелкопоместным дворянством, оставаясь в статусе однодворцев. Исчезновение же надобности в ландмилицких полках привело к тому, что однодворцы оказались в неясном функциональном положении. В новых условиях власти требовалось четко определить статус данной категории населения, однако ни понизить его до крестьянского, ни повысить до дворянского она не могла, опасаясь критики и недовольства как дворян, так и самих однодворцев. Таким образом, можно говорить об однодворцах как о податном сословии, находившемся в промежуточном положении между дворянством и крестьянством. Дальнейшее изучение эволюции правового статуса однодворцев позволит более широко взглянуть на состояние российского общества в целом и дворянства в частности.

Introduction

As a result of Peter the Great's reforms, categories of the population whose representatives were not included into any social estate appeared in the Russian Empire. To denote them in legislative acts and office documents, the terms *odnodvoret*s (plural *odnodvortsy*) and *raznochinets*s (plural *raznochintsy*) were introduced. This article is devoted to the determination of the legal status of the *odnodvortsy*, a specific category of the population of the Russian Empire.

Scholarly works devoted to the *odnodvortsy* are not numerous, although both the government and the society had been concerned with the question of identifying the specific features of their status for a long time. Legislators began to look for the answer to the question “Who should be considered the *odnodvortsy*?” in the middle of the 18th century. Scholarly interest in this issue arose in the middle of the 19th century: Ya. Solov'ev was the first to write about the *odnodvortsy* in an article

published in *Otechestvennye Zapiski*.¹ In that article the historian raised the issues of why the odnodvortsy resided not in all governorates and why the ancestors of the contemporary odnodvortsy were settled in slobodas (villages with non-serf population) and bound to one area, being the owners of the land.² He found the answer in the specific character of the military service in the 15th – 16th centuries. M. Germanov³ wrote about the reasons for the spread of the odnodvortsy in Voronezh Governorate. Considering the peculiarities of the situation of Russian peasants, N. Blagoveshchenskii⁴ and V. Semevskii⁵ touched on this category of population. During the Soviet era, the attention to the category of the odnodvortsy was associated with the interest in the peasant issue and in the struggle of peasants against landowners and the authorities.⁶ The historians of the middle and second half of the 20th century focused their attention on the problems of source studies related to the search, analysis, and publication of the documents on odnodvortsy peasants. F. Lappo⁷ and N. Tkacheva⁸ worked in that area of study. Present-day historians also address the issue of determining the legal and socio-economic status of the odnodvortsy. For example, M. Churkin studies ethno-cultural identity and migration

---

¹ Ya.M. Solov'ev, "On the Odnodvortsy" [in Russian], *Otechestvennye zapiski*, vol. 69, no. 3 (1850): 81.

² Solov'ev, "On the Odnodvortsy," 82.

³ M.A. Germanov, "Gradual Spread of the Odnodvortsy Population in Voronezh Governorate" [in Russian], in *Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society*, bk. 12, ed. P.N. Nebol'sin (St Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1857), 185–325.

⁴ N.A. Blagoveshchenskii, *Chetvert Landholding* [in Russian] (Moscow: Tipo-litografiya Tovarishchestva N.N. Kushnerev i K^o, 1899).

⁵ V.I. Semevskii, *Peasants in the Reign of Empress Catherine II* [in Russian], vol. 2 (St Petersburg: Tipografiya F.S. Sushchinskogo, 1901).

⁶ See, e.g., M.T. Belyavskii, *Peasant Issue in Russia on the Eve of the Pugachev's Rebellion* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1965); V.I. Nedosekin, "Aggravation of the Struggle for Land between the Landlords and the Odnodvortsy of Voronezh Governorate in the Middle of the 18th Century" [in Russian], *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, vol. 19 (1955): 133–54.

⁷ F.I. Lappo, "Mandates of the Odnodvortsy as a Historical Source" [in Russian], in *Historical Transactions*, vol. 35, ed. .D. Grekov (Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1950), 232–64; F.I. Lappo, "Poll Tax Census Records as a Source in the History of Russian Peasantry" [in Russian], in *Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe. 1960: Proceedings of the Symposium (Kiev, September 23–29, 1960)*, ed. V.K. Yatsunskii (Kiev: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, 1962), 236–47.

⁸ N.K. Tkacheva, "Odnodvortsy of the 18th Century in Russian Historiography" [in Russian], in *History and Historians. 1975: Historiographical Yearbook*, ed. M.V. Nechkina (Moscow: Nauka, 1978), 281–99; N.K. Tkacheva, "On the History of the Odnodvortsy Peasants in the 18th Century" [in Russian], *Sovetskie arkhivy*, no. 1 (1971): 84–87.

potential of the odnodvortsy.⁹ In his article, the author repeatedly emphasizes the preservation of the odnodvortsy's "historical memory of belonging to the military service class, to the nobility," referring to the works by D. Zelenin, V. Semevskii, and N. Blagoveshchenskii.¹⁰ Considering the odnodvortsy through the prism of the concept of subethnos, the historian comes to the conclusion that "the period of the 18th – early 20th centuries turned out to be a time of significant socio-cultural transformations for the Russian odnodvortsy"; in an effort to preserve their ethno-cultural identity, they tried to move towards the formation of a subethnos; however, "due to the political, economic, and confessional factors," they drew closer to the state peasants.¹¹

Western historians also paid attention to the social history of Russia in the second half of the 20th century. For instance, J. Blum studied the relationship of the privileged (ruling) estates and peasants in the period between the 9th and the 19th centuries.¹² In his work dedicated to the centenary of the abolition of serfdom in Russia, Blum examined the development of peasantry in different periods of Russian history and its legal status. He defined the odnodvortsy as small landowners with the status of state peasants.¹³ G. Hosking also paid attention to the odnodvortsy in his work, presenting them as a special category of peasant soldiers, mainly Old Believers, who were resettled in the Volga region in the 16th – 17th centuries. The researcher claimed that being free people in theory, the odnodvortsy suffered from the economic competition of the noblemen and were afraid of losing their independence by becoming a taxable class similar to the state peasants.¹⁴ Of particular interest is the article by T. Esper, which was based on the analysis of the laws of the Russian Empire. The author correlated the statuses of the odnodvortsy and the noblemen and came to the conclusion that the odnodvortsy were not just a special kind of state peasants, but they were a specific category of the population that performed a useful social function associated with providing "shelter" to many noblemen who were unable or did not want to perform their official duties in the

---

⁹ M.K. Churkin, "Odnodvortsy of the Central and Western Provinces of Russia: Factors of Ethnocultural Identity and Migration Potential (19th – Early 20th Centuries)" [in Russian], *Gumanitarnye issledovaniya*, no. 3 (12) (2016): 34–38; M.K. Churkin, "Russian Smallholders in Russian Historiography in the Second Half of the 19th – Early 21st Centuries: Socioeconomic Status, Class Identity, Migration Mobility" [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 419 (2017): 171–75, <https://doi.org/10.17223/15617793/419/23>

¹⁰ Churkin, "Odnodvortsy of the Central and Western Provinces of Russia," 35.

¹¹ Churkin, "Odnodvortsy of the Central and Western Provinces of Russia," 37.

¹² J. Blum, *Lord and Peasant in Russia: From the Ninth to the Nineteenth Century* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961).

¹³ Blum, *Lord and Peasant in Russia*, 360.

¹⁴ G.A. Hosking, *Russia: People and Empire. 1552–1917* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997), 108.

period until 1762. After the adoption of the manifesto “On Granting Liberty and Freedom to the Entire Russian Nobility,” many of the odnodvortsy tried to regain their noble status.¹⁵ Based on the conclusions of T. Esper, J.M. Hartley identified odnodvortsy as single villagers and said that in an effort to build a clear social estate structure, Catherine II faced the fact that there were categories of population in Russia that did not fit into that pattern. The researcher confirmed the thesis about the intermediate position of odnodvortsy between the peasants and the noblemen.¹⁶

Main body

After the reforms of Peter the Great, some groups of people with unclearly defined social status appeared in the Russian society. The previously existing service-class estates that did not belong to the nobility formed a separate group. According to Ya. Solov'ev,

from the documents of the odnodvortsy, it is clear that they descend from the former service-class people of different ranks, namely boyar scions, Cossacks, streltsy, reiters, dragoons, soldiers, spearmen, gunners, arquebusiers, gate guards, forest wardens; in addition, there are ranks of blacksmiths, carpenters, masons, and some others.¹⁷

The historian noted that in the 15th – 16th centuries all of them belonged to the lower military ranks of the militia, and in the 17th century, to different units of the regular army.¹⁸

Ya. Solov'ev believed that the self-designation “odnodvoretz” had not existed before Peter I, but it came into use before the adoption of the official term,¹⁹ odnodvortsy referring to “boyars scions only.”²⁰ The term was used for the first time in the edict signed by the monarch as of March 12, 1714 “On the Settlement of Fugitive Peasants and Odnodvortsy Staying in Little Russian Towns in the Cities of Belgorodsky and Sivsky Razryad and on Sending Fugitive Dragoons, Soldiers, and Recruits to Regiments.”²¹ It said that when caught, fugitive monastery peasants and odnodvortsy were to be settled in the deserted lands where “reiters, and soldiers, and

---

¹⁵ T. Esper, “The Odnodvortsy and the Russian Nobility,” *The Slavonic and East European Review*, vol. 45, no. 104 (1967): 124–34.

¹⁶ J.M. Hartley, *A Social History of the Russian Empire, 1650–1825* (London; New York: Addison Wesley Longman, 1999), 21, 30.

¹⁷ Solov'ev, “On the Odnodvortsy,” 81.

¹⁸ Solov'ev, “On the Odnodvortsy,” 82.

¹⁹ Solov'ev, “On the Odnodvortsy,” 89.

²⁰ Solov'ev, “On the Odnodvortsy,” 90.

²¹ *Complete Collection Of Laws Of The Russian Empire. The First Collection (1649–1825)* [in Russian] (hereinafter *PSZ-I*), vol. 5, 1713–1719 (St Petersburg: Tipografiya Vtorogo otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830), no. 2783.

the odnodvortsy of city service” previously lived. Odnodvortsy were mentioned in the text of the edict twice, once as service-class people, and another time as monastery people. Thus, the problem of the uncertainty of the status of the odnodvortsy already arose when they were mentioned for the first time. In the law dated January 22, 1719 “On the Conduct of a General Census of People of Taxable State, on the Submission of Census Records, and on Penalties for Concealing Serfs” they were mentioned as taxable population along with the Tatars and yasak peasants.²² In 1723, odnodvortsy were mentioned in the same status as dragoons, soldiers, streltsy, Cossacks, gunners, gate guards, and messengers. In subsequent resolutions, they were mentioned along with “reiters, spearmen, gunners, arquebusiers, and other service-class people of similar kinds.”²³

In the Petrine time, some of the odnodvortsy had neither houses nor land, and they lived by what they earned. In 1723, Fiscal General A. Myakinin noted that some landowners “bound such odnodvortsy as serfs and sold them.”²⁴ Such practice was prohibited some time later: odnodvortsy were emancipated, and they were given 50 roubles as an installation allowance from the money of the landowners who had tried to turn them into serfs.²⁵

People from different social strata joined the ranks of the odnodvortsy. It is difficult to determine social composition of the odnodvortsy according to the materials of the first census. Fugitive peasants of all categories hid in the odnodvortsy settlements and during the census they identified themselves for the record as odnodvortsy. The Senate decree as of June 2, 1724 “On the Collection of Fines from Priests and Church Clerks. . . ; on the Expulsion of Fugitive Peasants from the Odnodvortsy Villages and on the Non-Acceptance of Great Russians and Other People for Settlement on the Tsaritsyn Line” prescribed to exclude such peasants from the category of odnodvortsy and to return them to their former owners.²⁶ In 1740 the responsibility for sheltering fugitive peasants in the odnodvortsy villages was tightened and the penalty for hiding a runaway peasant in one homestead was imposed on the entire community.²⁷

In 1744, the legislation addressed the issue of the nobles registered as odnodvortsy. According to the results of the second revision, it was proposed that those who can prove their noble origin should be excluded from the taxable odnodvortsy.²⁸ The edict signed by the monarch as of August 16, 1798 “On Leaving the Odnodvortsy Who Have an Estate in This Rank Forever” for the first time

---

²² *PSZ-I*, vol. 5, no. 3287.

²³ *Ibid.*, vol. 11, no. 8836.

²⁴ *Ibid.*, vol. 7, no. 4218.

²⁵ *Ibid.*, vol. 7, no. 4563.

²⁶ *Ibid.*, vol. 7, no. 4519.

²⁷ *Ibid.*, vol. 11, no. 8227.

²⁸ *Ibid.*, vol. 12, no. 9000.

mentioned the reason why being representatives of the privileged class, noblemen registered themselves as odnodvortsy. It was because of the compulsory military and state service the noblemen had to do. For some of them paying the poll tax as odnodvortsy was more attractive than compulsory service.²⁹ During the reign of Elizaveta Petrovna, odnodvortsy were allowed to return to the nobility if they could prove that their ancestors belonged to the highest estate, but under Paul I such a transition was prohibited. At the beginning of the reign of Alexander I, governorate deputy assemblies of the nobility, which were entrusted with keeping records in the genealogical books of the nobility, considered a large number of cases related to proof of belonging to the nobility.³⁰ By the middle of the reign of Alexander I, the requirements for confirmation of noble origin became tougher, and rules for restoring the noble status of odnodvortsy were established in December 1816.³¹ According to the new requirements, odnodvortsy could submit petitions and provide evidence of their noble origin only if they were

recorded as odnodvortsy either during their infancy, or by the inaccuracy of the first census, or for some other circumstances unintentionally.³²

If they lost the noble status “by any fault or evading service,” the petitions should not be considered.³³ In addition to providing evidence for the nobility, odnodvortsy also needed to distinguish themselves in military service, where they were admitted only if they submitted that evidence to the deputy assembly of the nobility. They started to serve in non-commissioned officer ranks and after 6 years of irreproachable service they were given a subaltern officer rank, which entitled them to be considered noblemen and to dispose of their estate exercising their rights as noblemen. It should be pointed out that all duties were removed from such odnodvortsy during their service.³⁴

One of the ways of acquiring the odnodvortsy status was associated with violations of the law that prohibited purchase and sale of the odnodvortsy’s lands.³⁵ In 1766, the land surveying instruction addressed the issue of the lands sold after 1727. The owners of those lands had to pay a five-kopeck fee per dessiatina for the

---

²⁹ *PSZ-I*, vol. 25, no. 18628.

³⁰ K.K. Bileush, “On the Issue of Obtaining the Status of a Nobleman at the Beginning of the Reign of Alexander I (1801–1803)” [in Russian], in *Herzen Readings 2016. Topical Problems of Russian History: Collected Scientific Works*, ed. S.V. Smal’ (St Petersburg: ElekSiS, 2017), 179–85.

³¹ *PSZ-I*, vol. 33, no. 26579.

³² *Ibid.*

³³ *Ibid.*

³⁴ *Ibid.*

³⁵ *Ibid.*, vol. 7, no. 5138.

maintenance of landmilitia regiments. If they refused to pay the fee, they had to “bring down their settlements from such lands” within six months. Unless the latter instruction was fulfilled, the peasants were recorded as odnodvortsy, and their illegal owners had to give them up.³⁶ The same instructions show that the status of the odnodvortsy was mobile. When there were odnodvortsy and state-owned peasants in the village, if the number of state peasants’ homesteads was greater, they were transferred to the odnodvortsy status, and in the opposite situation, odnodvortsy were transferred to the status of state peasants. This practice indicates the proximity of the legal status of the former and the latter, especially taking into account the fact that the per capita tax for both categories was the same.³⁷

In the “Instruction to the Legislative Commission,”³⁸ Catherine II singled out the odnodvortsy in a separate category of the population. During the Catherine’s reign, ordering of the position of the odnodvortsy as well as the transformation of the concept began. The Decree of the Military Collegium as of August 1782 “On the Admission of Young Noblemen into Military Service in Strict Accordance with the Colonel’s Instructions and Other Prescriptions, and on the Exclusion of Odnodvortsy and Other Raznochintsy without Proper Certificates” equated odnodvortsy to “other raznochintsy.”³⁹ In 1766, odnodvortsy were allowed to register themselves as merchants. In this case, the former odnodvortsy were deprived of their land because they had to “get by not on the arable land but on trades and crafts, and take up residence in cities.”⁴⁰ As a result, a broad intermediate stratum emerged in the structured society.

The diversity of the social composition of the odnodvortsy led to the fact that the odnodvortsy status itself was heterogeneous: on the one hand, there were odnodvortsy who signed up for this status from the nobility and they owned land and peasants accordingly; on the other hand, there were odnodvortsy who were endowed with land from the state lands for the maintenance of landmilitia (frontier) regiments. Ya. Solov'ev noted that

at the very beginning of the transformation, the Ukrainian frontier guards found themselves outside the class that was given the right to own land and other advantages granted to the persons of noble origin.⁴¹

This can be seen in the legislation throughout the 17th century, but it was most clearly defined in the Decree as of April 15, 1810 “On the Rules for the Procedures and

---

³⁶ *PSZ-I*, vol. 17, no. 12659.

³⁷ *Ibid.*

³⁸ *Ibid.*, no. 12801.

³⁹ *Ibid.*, vol. 21, no. 15500.

⁴⁰ *Ibid.*, vol. 12, no. 12659.

⁴¹ Solov'ev, “On the Odnodvortsy,” 91.

Resolution of Cases on the Lands of the Odnodvortsy,” in which their lands were divided into two types: (1) “granted by letters personally, or purchased” (i.e. owned); (2) “owned by giveaways or by allotment to entire villages from the state.”⁴² Ya. Solov'ev noted that after the equation of patrimonial and local lands in 1714, there were no “special resolutions” on the lands of the odnodvortsy, so “using the right to dispose of patrimonial and local lands, they began to sell their lands to residents of all cities and to persons of all estates.”⁴³ The legal status of the odnodvortsy lands was first determined in 1727, when purchase, sale, and mortgage of those lands were prohibited.⁴⁴ The next time the issue of inheriting the lands owned by the odnodvortsy was raised by the authorities in 1730. According to the Decree on Single Inheritance of 1714, the estate of a nobleman passed to one of his sons at the choice of the father and the other sons went to service, but the odnodvortsy were to pay poll tax and were obliged to maintain landmilitia. The legislator was concerned that in the absence of land, odnodvortsy would not be able to fulfill their duties, and it was decided that it was necessary to divide the inheritance by lot, with the condition that one of the sons would not inherit and join the ranks of landmilitia. In the absence of children, the inheritance was divided in a similar way between next of kin. At the same time, it was once again forbidden to purchase, sell, or mortgage the lands of the odnodvortsy.⁴⁵ The ban was confirmed in 1737⁴⁶ and 1739.⁴⁷ Legislators returned to this issue in 1766, when new rules for land surveying were adopted. “Instructions to the Surveyors, to the General Demarcation of the Lands of the Whole Empire” dated February 13, 1766 prescribed demarcation of odnodvortsy lands as owned allotments, not excluding the lands of the odnodvortsy who had reached subaltern officer ranks.⁴⁸ However, 3 months later, the rules for surveying odnodvortsy lands were changed in order to prevent unauthorized settlement of odnodvortsy on vacant state-owned lands. When such settlements were discovered, the owner was allocated at least 60 dessiatinas of land per homestead, but those lands were supposed to be “marked not separately but as a communal district.”⁴⁹

Odnodvortsy were endowed with state-owned lands, and their plots could be located in the same village with the plots of state peasants and privately-owned peasants. This, of course, made land surveying difficult. It was decided to single out odnodvortsy in separate villages. In the neighborhood of state peasants, the issue was

---

⁴² *PSZ-I*, vol. 31, no. 24192.

⁴³ Solov'ev, “On the Odnodvortsy,” 96.

⁴⁴ *PSZ-I*, vol. 7, no. 5138.

⁴⁵ *Ibid.*, vol. 8, no. 5579.

⁴⁶ *Ibid.*, vol. 10, no. 7409.

⁴⁷ *Ibid.*, vol. 10, no. 7864.

⁴⁸ *Ibid.*, vol. 12, no. 12570.

⁴⁹ *Ibid.*, vol. 12, no. 12659.

solved by the transition from one status to another, depending on the majority of people of a particular status, as already mentioned above, but it was not easy with privately-owned peasants. If there was little land in the village, or odnodvortsy made up less than half of the homesteads and the rest of the inhabitants were privately-owned peasants, the governor faced the task of moving the homesteads of the odnodvortsy and making a decision on the status of their former lands. If there were 2/3 or more odnodvortsy lands in the village, either the serfs were subject to resettlement or a boundary was established that strictly delimited the estate of the odnodvortsy community and of the landowner.⁵⁰

At the beginning of the 19th century, there was no clarity in the status of the odnodvortsy lands. In 1810, the legislator clearly identified two types of such lands and outlined the rules for each case in the abovementioned “Rules for the Procedures and Resolution of Cases on the Lands of the Odnodvortsy.”⁵¹ Thus, in the event of disputes over lands that were in personal (patrimonial) ownership, they were to be treated in the same way as landowners’ estates. Those odnodvortsy lands that were granted for service were supposed to be treated following the example of other state-owned lands. In both cases, if a family line ended, the land was returned to the state in order to be further distributed among the rest of the odnodvortsy. At the same time, the ban on the purchase and sale of any odnodvortsy lands was once again confirmed.⁵² In fact, those rules became a generalizing resolution on the issues of the odnodvortsy’s land ownership.

Odnodvortsy were bound to the land where they lived. They could not enjoy freedom of movement. On the one hand, it was explained by the main duty of the odnodvortsy to maintain landmilitia regiments in the borderline territories of the Russian Empire, and on the other hand, it provided the possibility of control in the form of joint responsibility. Those who stayed had to pay the poll tax and perform recruiting duty for those who had left the village of their own accord.⁵³ The reason why odnodvortsy left their estates was also connected with their main duty. In the “Instructions to Those Sent to Conduct a New Census” dated December 16, 1743 (printed on January 6, 1744), it was said that 10,425 people from landmilitia were “on the run” in Voronezh and Belgorod governorates. “Upon finding,” fugitive odnodvortsy had to be taken to the governorate and uyezd offices and sent to the Ukrainian Line “by their own transport and at their own expense”⁵⁴ before May 1, 1744. According to the Senate Decree as of February 6, 1746 “On the Placement of the Landless Odnodvortsy Fit for Service in Regiments; the Elderly and the Decrepit,

---

⁵⁰ *PSZ-I*, vol. 12, no. 12659.

⁵¹ *Ibid.*, vol. 31, no. 24192.

⁵² *Ibid.*

⁵³ *Ibid.*, vol. 7, no. 4563; vol. 11, no. 8227.

⁵⁴ *Ibid.*, vol. 11, no. 8836 (art. 17).

in Almshouses; and on the Registration of Others Who Are Still Able to Work, to the Family Odnodvortsy,” those odnodvortsy were supposed to be bound to new places at the upcoming census.⁵⁵ In 1757 it was once again ordered to return runaway odnodvortsy “to their former homes” at their own expense and to impose a fine of 10 roubles on men and 5 roubles on women. Upon capture, the runaway odnodvortsy still had to go to the Ukrainian Line. If odnodvortsy fled to the landowners who did not deliver them up after the decree was issued, a fine was imposed on the landowner and the odnodvortsy themselves “were punished with lashes in front of their brethren.”⁵⁶ Under Peter III, the practice of recruitment to the landmilitia was changed: instead of elections, the principle of priority was introduced, according to which a waiting list of homesteads was formed and recruits were conscripted according to that list. Those whose turn it was to be enlisted as recruits knew it in advance, and therefore the odnodvortsy who did not want to serve had an opportunity to escape before recruitment. To prevent this, the principle of joint responsibility was used: those who had to go to the landmilitia were watched by the other members of the community so as not to get recruited instead of them.⁵⁷ In 1785, the movement of odnodvortsy from one governorate to another was also prohibited for fear that “having been excluded from tax records in one place and not included in the other, they would avoid paying taxes.” The resolution contained a reminder that the odnodvortsy (with the exception of residents of some provinces) had never been allowed such a movement.⁵⁸

As it was noted above, some of the odnodvortsy came from the nobility and owned serfs. The status of the odnodvortsy peasants as well as the rights of the odnodvortsy in relation to their peasants was constantly clarified. In 1744, during the discussion of the results of the latest census, the senators noted that many of the nobles in Belgorod Governorate “owned serfs amounting to three, four and up to twenty souls, and more, and less.”⁵⁹ For the first time, the question of the status of those peasants was raised in 1758, when by a Senate Decree as of March 26 “On Considering the Odnodvortsy Sharecroppers in Duties and in Everything Except for Theft, Robbery, and Murder Cases, assigned to the Odnodvortsy Rulers,” the authorities decided to impose on them a per capita tax equal to the tax of their owners. They were to be referred to as *odnodvortsy-polovniki* [odnodvortsy sharecroppers].⁶⁰ In 1766, odnodvortsy were allowed to sell their serfs to the other odnodvortsy, but without land and on condition that the new owner would pay a poll

---

⁵⁵ *PSZ-I*, vol. 12, no. 9257.

⁵⁶ *Ibid.*, vol. 14, no. 10701.

⁵⁷ *Ibid.*, vol. 15, no. 11412.

⁵⁸ *Ibid.*, vol. 22, no. 16280.

⁵⁹ *Ibid.*, vol. 12, no. 9000.

⁶⁰ *Ibid.*, vol. 15, no. 10813.

tax for the serf.⁶¹ However, 20 years later, in 1786, this practice was terminated. The right to sell serfs and domestic servants was reserved only for the nobility.⁶² In 1787, the question of the odnodvortsy peasants arose again because some of the odnodvortsy had been given subaltern officer ranks, which gave them nobility privileges. Serfs paid a poll tax of a smaller size than the state peasants and the odnodvortsy equated to them did. The Senate decided that odnodvortsy peasants should pay the odnodvortsy per capita tax regardless of the status of their owner.⁶³ This situation changed in 1819, when it was decided that odnodvortsy peasants would pay the same tax if their owners had reached staff and subaltern officer ranks until 1816, when the new rules for proving nobility for the odnodvortsy were adopted. If an odnodvoret received the status of a nobleman after 1816, his peasants became serfs.⁶⁴ The case of odnodvoret Ignat Sudakov, who liberated his peasants in 1794, was notable in terms of the odnodvortsy rights regarding their peasants. The odnodvortsy themselves, odnodvortsy peasants, and state peasants were assigned the same per capita tax, and therefore the Kursk State Chamber transferred the released peasants of I. Sudakov to the status of odnodvortsy. After that the authorities started to wonder if the odnodvortsy had the right to emancipate their peasants. The Senate decided that this right belonged to the noblemen only, which is why Sudakov had no right to dispose of his “baptized property” and the Kursk State Chamber had no right to register them as odnodvortsy (as that status was more privileged if compared to the peasantry). It was decided to return the peasants to I. Sudakov.⁶⁵ This situation changed only in 1809, when odnodvortsy were allowed to emancipate their peasants,⁶⁶ apparently following the Decree on Free Cultivators.

The main duty of the odnodvortsy was maintenance of the landmilitia regiments and service in those regiments. It was these subdivisions that the bulk of the decrees concerning the odnodvortsy were devoted to. In 1722, having reasoned that except for the poll tax, the odnodvortsy paid nothing, Peter I decided to impose on them maintenance of landmilitia in the same amount as the palace peasants paid the Palace.⁶⁷ In addition to paying for the maintenance of landmilitia, as already noted, odnodvortsy had to serve in those regiments themselves. They were recruited every 5 years. In 1749, all the odnodvortsy who had not previously been charged a per capita tax were made “to pay a seven and forty grivna tax and to be recruited in the same was as other odnodvortsy.”⁶⁸ During the reign of Elizaveta Petrovna, the

---

⁶¹ *PSZ-I*, vol. 17, no. 12659.

⁶² *Ibid.*, vol. 22, no. 16393.

⁶³ *Ibid.*, vol. 22, no. 16536; vol. 25, no. 18842.

⁶⁴ *Ibid.*, vol. 36, no. 27855; vol. 38, no. 29414.

⁶⁵ *Ibid.*, vol. 23, no. 17175.

⁶⁶ *Ibid.*, vol. 30, no. 23656.

⁶⁷ *Ibid.*, vol. 6, no. 3994.

⁶⁸ *Ibid.*, vol. 13, no. 9672.

Ukrainian Line inhabited by odnodvortsy developed. Among those who were sent there were the escapees from landmilitia, landless and “wandering” odnodvortsy, who did not have a house and “worked for food, moving from one homestead to another.”⁶⁹ However, not all landless odnodvortsy were fit for the frontier service and able to work and provide for themselves. Among them there were “very crippled, and elderly, and lonely.” Such odnodvortsy were excluded from the per capita taxation and were assigned to almshouses. Lonely odnodvortsy fit for service were assigned to families, “whom they could assist in the cultivation of arable land,” and were also assigned to regiments.⁷⁰ In 1752, it was decided to establish schools for the odnodvortsy and landmilitia children. Such schools were supposed to be established in 6 out of 9 regiments: Tambovskii, Slobodskii, Efremovskii, Orlovskii, Belevskii and Kozlovskii regiments. In the other regiments, there were either no odnodvortsy at all, or their number was insignificant. Those schools accepted male orphans from the age of 7 and they studied there until the age of 15. At the age of 15, young men were accepted into the regiments “as company clerks and other ranks, which they would be able to do depending on studies,”⁷¹ and being alone and landless, they were assigned to family odnodvortsy. If they wanted to teach their children in other schools, odnodvortsy had to pay for that. There was no tuition fee, but all provisions (the uniform, books, tools, etc.) were to be paid for by the parents. The odnodvortsy did not consider the service of literate young people attractive despite the fact that it lasted no more than 15 years. The turning point was the Senate Decree of November 17, 1756 “On Non-Acceptance of the Odnodvortsy into Other Regiments and Civil Service except for Landmilitia.” Before that it was possible for the odnodvortsy to enlist in various regiments as well as in civil and garrison service, but in 1756 this practice was ended and it was not allowed to enroll odnodvortsy in any other regiments except for landmilitia.⁷² The same decree also explained the reason why wealthy and married odnodvortsy tried to avoid service in landmilitia and joined “other regiments, and civil service at collegiums and other judicial places, also at governorate, provincial, and voivodeship offices, and being at work mostly in the same towns where their fellow odnodvortsy had chosen them to be recruited to landmilitia, they abuse and insult them.”⁷³ Thus, the odnodvortsy chose from their midst those who would be recruited to landmilitia. This state of affairs continued until 1762, when new rules for recruiting to landmilitia were issued. Those rules ordered to make lists and take recruits from each homestead in turn. The age of those fit for service was raised to 40 years. In 1764, those rules were supplemented by the

---

⁶⁹ *PSZ-I*, vol. 12, no. 9257.

⁷⁰ *Ibid.*

⁷¹ *Ibid.*, vol. 13, no. 9972.

⁷² *Ibid.*, vol. 14, no. 10659.

⁷³ *Ibid.*

prescription that the landmilitia regiments should be replenished only by the odnodvortsy and at their expense.⁷⁴ It is curious that in the Instruction to the Legislative Commission, “arable soldiers and various service people and others maintaining landmilitia” were separated from the odnodvortsy and had a lower status.⁷⁵ It can be assumed that in that way Catherine II emphasized the difference between the odnodvortsy who owned land and those who used it. In 1782, the ban on accepting odnodvortsy who “claimed to be nobles”⁷⁶ into military service was confirmed once again. Despite that, in the second half of the 18th century, there appeared odnodvortsy who rose to the staff and subaltern officer ranks, to the noble status in fact, despite everything.

Conclusion

Thus, we can say that the main contradiction in the legal status of the odnodvortsy was the duality of their position. Ownership of land and peasants brought their status closer to the nobility, but they could not dispose of real estate and “baptized property,” i.e. this privilege was limited. At the same time, payment of the poll tax, recruitment duty, and bondage to the land indicate the similarity of their position with that of the peasants. Another contradiction was that there was differentiation within the class of the odnodvortsy: they were divided into those who registered themselves as odnodvortsy, having left the nobility estate, and those who represented the former service-people. The former had the land in hereditary possession (and they were landowners but not noblemen by birth), and the latter were endowed with land for the maintenance of landmilitia regiments. The differences in the status of these two groups were reflected in the method of land surveying: for the former it was surveyed “specially”, and for the latter, communally with other odnodvortsy. The odnodvortsy of that kind were bound to their land and did not have the right to change their place of residence without special permission. The purchase and sale of odnodvortsy lands was prohibited, but their land could be inherited. The latter circumstance led to the appearance of landowners (i.e., owners of land and peasants) not of the noble origin. Those who came from a family of odnodvortsy could join the merchant class, giving up land in doing so, and after 1762, they could also join the noble class, thus increasing the stratum of gentry. The main problem the authorities faced at the end of the 18th century was the emergence of gaps in the laws that affected the life of society at that time. The odnodvortsy tried to enter civil service, and after the adoption of the Charter of the Nobility in 1785, a service at the choice of the nobility. The lifestyle of some of the odnodvortsy was similar to that of the nobility while they still maintained the status of the odnodvortsy. When the need for landmilitia regiments disappeared,

---

⁷⁴ *PSZ-I*, vol. 16, no. 12185.

⁷⁵ *Ibid.*, vol. 17, no. 12801.

⁷⁶ *Ibid.*, vol. 22, no. 15500.

the odnodvortsy found themselves in an unclear functional position. In the new conditions, the authorities needed to clearly define the status of this category of population, but they could not lower it to the peasant or raise it to the nobility, fearing criticism and discontent of both the nobles and the odnodvortsy themselves. Thus, we can define the odnodvortsy as a taxable estate that took an intermediate position between the nobility and the peasantry. Further study of the evolution of the legal status of the odnodvortsy will allow us to have a broader view of the state of Russian society in general and the nobility in particular.

Список литературы

Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. Москва: Издательство Московского университета, 1965. 381 с.

Билеуш К.К. К вопросу о получении дворянского состояния в начале царствования Александра I (1801–1803 гг.) // Герценовские чтения 2016. Актуальные проблемы русской истории: сборник научных трудов / под редакцией С.В. Смалья. Санкт-Петербург: ЭлекСиС, 2017. С. 179–185.

Благовещенский Н.А. Четвертное право. Москва: Типо-литография Товарищества Н.Н. Кушнерев и К°, 1899. 538 с.

Германов М.А. Постепенное распространение одnodворческого населения в Воронежской губернии // Записки императорского русского географического общества. Книжка XII. Издана под редакцией П.Н. Небольсина. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1857. С. 185–325.

Ланно Ф.И. Наказы одnodворцев как исторический источник // Исторические записки: в 132 т. / под редакцией Б.Д. Грекова. Москва: Академия наук СССР, 1950. Т. 35. С. 232–264.

Ланно Ф.И. Ревизские сказки как источник по истории русского крестьянства // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960 г.: материалы симпозиума (Киев, 23–29 сентября 1960 г.) / под редакцией В.К. Яцунского. Киев: Издательство Академии наук УССР, 1962. С. 236–247.

Недосекин В.И. Обострение борьбы за землю между помещиками и одnodворцами Воронежской губернии в середине XVIII в. // Известия Воронежского государственного педагогического института. 1955. Т. 19. С. 133–154.

Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II: в 2 т. Санкт-Петербург: Типография Ф.С. Сущинского, 1901. Т. 2. 865 с.

Соловьев Я.М. Об одnodворцах // Отечественные записки. 1850. Т. 69, № 3. С. 81–100.

Ткачева Н.К. К истории крестьян-одnodворцев в XVIII веке // Советские архивы. 1971. № 1. С. 84–87.

Ткачева Н.К. Одnodворцы XVIII века в отечественной историографии // История и историки. 1975: историографический ежегодник / под редакцией М.В. Нечкиной. Москва: Наука, 1978. С. 281–299.

Чуркин М.К. Одnodворцы центральных и западных губерний России: факторы этнокультурной идентичности и миграционный потенциал (XIX – начало XX вв.) // Гуманитарные исследования. 2016. № 3 (12). С. 34–38.

Чуркин М.К. Российские одnodворцы в отечественной историографии второй половины XIX – начала XX в.: социально-экономический статус, сословная идентичность,

миграционная мобильность // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 171–175. <https://doi.org/10.17223/15617793/419/23>

Blum J. *Lord and peasant in Russia: From the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961. 656 p.

Esper T. The Odnodvortsy and the Russian Nobility // *The Slavonic and East European Review*. 1967. Vol. 45, № 104. P. 124–134.

Hartley J.M. *A Social History of the Russian Empire, 1650–1825*. London; New York: Addison Wesley Longman, 1999. 312 p.

Hosking G.A. *Russia: People and Empire. 1552–1917*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 548 p.

References

Belyavskii, M.T. *Krest'yanskii vopros v Rossii nakanune vosstaniya E.I. Pugacheva* [Peasant issue in Russia on the eve of the Pugachev's Rebellion]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1965. (In Russian)

Bileush, K.K. “K voprosu o poluchenii dvoryanskogo sostoyaniya v nachale tsarstvovaniya Aleksandra I (1801–1803 gg.)” [On the issue of obtaining the status of a noble at the beginning of the reign of Alexander I (1801–1803)]. In *Gertsenovskie chteniya 2016. Aktual'nye problemy russkoi istorii: sbornik nauchnykh trudov* [Herzen Readings 2016. Topical problems of Russian history: collected scientific works], edited by S.V. Smal', 179–85. St Petersburg: ElekSiS, 2017. (In Russian)

Blagoveshchenskii, N.A. *Chetvertnoe pravo* [Chetvert landholding]. Moscow: Tipo-litografiya Tovarishchestva N.N. Kushnerev i K^o, 1899. (In Russian)

Blum, J. *Lord and Peasant in Russia: From the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961.

Churkin, M.K. “Odnodvortsy tsentral'nykh i zapadnykh gubernii Rossii: faktory etnokul'turnoi identichnosti i migratsionnyi potentsial (XIX – nachalo XX vv.)” [Odnodvortsy of the central and western provinces of Russia: factors of ethnocultural identity and migration potential (19th – early 20th centuries)]. *Gumanitarnye issledovaniya*, no. 3 (12) (2016): 34–38. (In Russian)

Churkin, M.K. “Rossiiskie odnodvortsy v otechestvennoi istoriografii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.: sotsial'no-ekonomicheskii status, soslovnaya identichnost', migratsionnaya mobil'nost'” [Russian smallholders in Russian historiography in the second half of the 19th – early 21st centuries: socioeconomic status, class identity, migration mobility]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 419 (2017): 171–75. <https://doi.org/10.17223/15617793/419/23> (In Russian)

Esper, T. “The Odnodvortsy and the Russian Nobility.” *The Slavonic and East European Review*, vol. 45, no. 104 (1967): 124–34.

Germanov, M.A. “Postепенnoe rasprostranenie odnodvorcheskogo naseleniya v Voronezhskoi gubernii” [Gradual spread of the odnodvortsy population in Voronezh Governorate]. In *Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva* [Proceedings of the Imperial Russian Geographical Society], bk. 12, edited by P.N. Nebol'sin, 185–325. St Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1857. (In Russian)

Hartley, J.M. *A Social History of the Russian Empire, 1650–1825*. London; New York: Addison Wesley Longman, 1999.

Hosking, G.A. *Russia: People and Empire. 1552–1917*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997.

Lappo F.I. “Nakazy odnodvortsev kak istoricheskii istochnik” [Mandates of the Odnodvortsy as a historical source]. In *Istoricheskie zapiski* [Historical transactions], 132 vols., edited by B.D. Grekov, vol. 35, 232–64. Moscow: Akademiya nauk SSSR, 1950. (In Russian)

Lappo, F.I. “Revizskie skazki kak istochnik po istorii russkogo krest'yanstva” [Poll tax census records as a source in the history of Russian peasantry]. In *Ezhegodnik po agrarnoi istorii Vostochnoi Evropy. 1960 g.: materialy simpoziuma (Kiev, 23–29 sentyabrya 1960 g.)* [Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe. 1960: proceedings of the symposium (Kiev, September 23–29, 1960)], edited by V.K. Yatsunskii, 236–47. Kiev: Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, 1962. (In Russian)

Nedosekin, V.I. “Obostrenie bor'by za zemlyu mezhdru pomeshchikami i odnodvortsami Voronezhskoi gubernii v seredine XVIII v.” [Aggravation of the struggle for land between the landlords and the odnodvortsy of Voronezh Governorate in the middle of the 18th century]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, vol. 19 (1955): 133–54. (In Russian)

Semevskii, V.I. *Krest'yane v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II* [Peasants in the reign of Empress Catherine II], 2 vols. Vol. 2. St Petersburg: Tipografiya F.S. Sushchinskogo, 1901. (In Russian)

Solov'ev, Ya.M. “Ob odnodvortsakh” [On the odnodvortsy]. *Otechestvennye zapiski*, vol. 69, no. 3 (1850): 81–100. (In Russian)

Tkacheva, N.K. “K istorii krest'yan-odnodvortsev v XVIII veke” [On the history of the odnodvortsy peasants in the 18th century]. *Sovetskie arkhivy*, no. 1 (1971): 84–87. (In Russian)

Tkacheva, N.K. “Odnodvortsy XVIII veka v otechestvennoi istoriografii” [Odnodvortsy of the 18th century in Russian historiography]. In *Istoriya i istoriki. 1975: istoriograficheskii ezhegodnik* [History and historians. 1975: historiographical yearbook], edited by M.V. Nechkina, 281–99. Moscow: Nauka, 1978. (In Russian)

Информация об авторе

Ксения Константиновна Билеуш – лаборант института истории и социальных наук, <https://orcid.org/0000-0002-3368-7430>, kсениya.yakusheva1983@yandex.ru, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (д. 48, наб. реки Мойки, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Kseniya K. Bileush – Laboratory Assistant at the Institute of History and Social Sciences, <https://orcid.org/0000-0002-3368-7430>, kсениya.yakusheva1983@yandex.ru, Herzen State Pedagogical University of Russia (48, nab. reki Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 21.12.2022.

The article was submitted 28.01.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 21.12.2022.